УДК 008:303.2

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕЛИ И МЕЧТЫ

Н.А. Лукьянова

Томский политехнический университет
E-mail: kir712@yandex.ru

Показана возможность согласования методов современных направлений философского знания со средствами постнеклассической методологии в исследовании таких феноменов человеческого бытия как «цель» и «мечта». Аргументирован тезис о том, что постнеклассическая методология, в частности методология исследования информационных процессов, является теоретико-методологическим основанием исследования данных феноменов человеческого сознания.

В природе человека заложено стремление осуществить свои мечтания, и если мы этого не делаем, мы чувствуем, что наша жизнь проходит бесцельно. Именно в мечтах человек дает ответ и подвергает анализу свое настоящее – нынешнюю ситуацию, имея в виду вероятное будущее, которое связано с прошлым опытом, тем самым, объединяя прошлое, настоящее и будущее. Вместе с тем, мечта это феномен, который человек не подвергает рациональному осмыслению. Мечта намечает абрис осуществимого до того, как она осуществится, определяя тем самым спектр равноправных возможностей. Возможности могут реализоваться и стать действительностью – областью реализованных возможностей, актуальных сущностей. Поскольку реальность, включая и природный мир, и человеческую сферу, имеет динамический характер, появляясь из прошлого (и сохраняя его) и двигаясь в новое будущее, философское осмысление таких феноменов культуры как цель и мечта связывается нами с философией процесса. Начало процессуальному подходу положено А.Н. Уайтхедом [1. С. 33]. В развитии, этого похода, изучение эволюционных процессов самой различной природы показало непосредственное участие информации в динамике сложных систем, каковыми являются и социокультурные системы. Итак, с позиции философии процесса, мечту можно рассматривать как феномен бытия, где бытие есть широчайшая сфера возможностей.

На основе идеи об информационном процессе и обосновании информационного механизма самоорганизации И.В. Мелик-Гайказян были сформулированы принципы исследования нелинейной динамики социокультурных систем, составляющие информационно-синергетический подход [2]. В динамической теории стадии информационного процесса нанизаны на общий «синергетический стержень», что обеспечивает возможность привлечения этой теории к гуманитарным системам [3. С. 125]. Данный подход позволил высказать гипотезу о двух сторонах мечты: мифе и утопии, где утопия это мечта о лучшем будущем, а миф – о прошлом [3. С. 124]. В свете вышесказанного методологически корректно будет рассматривать феномены мечты и цели на основе информационно-синергетического подхода. Поскольку существенным моментом в данных исследованиях представляется рассмотрение процесса постановки цели и условий генерации новых смыслов, в нашем случае – мечты. Именно в синергетике возникает одно из наиболее парадоксальных представлений – представление о влиянии будущего, или конечной причинности. «Будущее закрыто лишь отчасти, ибо преддетерминированы возможные формы (структуры) организации и пути к ним» [4. С. 112]. Таким образом, будущее оказывает влияние сейчас, в некотором смысле оно существует в настоящем. «Простейшие математические модели нелинейных открытых сред свидетельствуют, что открытая нелинейная среда (система) таит в себе определенные формы организации. Структуры-аттракторы преданы, потенциально заложены в среде (системе), определяются сугубо ее собственными нелинейными свойствами. Они есть непроявленное, «дух становления» системы. Они определяют тенденции процессов в ней» [5. С. 42]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что мечта как создаваемый воображением образ желаемого может играть активизирующую роль в жизни индивидуума и общества. Это не просто цель или абстрактный образ. Это прообраз цели, поскольку заключённая в ней идея может вести к дальнейшим практическим преобразованиям. «Прообраз» – это то, что служит образцом для чего-нибудь, то есть образ будущего. Таким образом, мечту можно определить как прообраз (модель, идеал, пример, способ достижения) цели.

Данная статья посвящена аргументации тезиса о том, что постнеклассическая методология, в частности методология исследования информационных процессов, является теоретико-методологическим основанием исследования таких феноменов человеческого сознания как цель и мечта. Это открывает возможности взаимного обогащения методов исследования данных феноменов культуры в традициях герменевтики, постмодернизма, феноменологии и экзистенционализма на основе информационно-синергетического подхода. Информационно-синергетический подход мы привлекаем в первую очередь потому, что он дает возможность на основе прямой аналогии многостадийных информационных и социокультурных процессов точно определять границы интерпретаций различных концепций, теорий и учений [2. С. 107–171].

Для себя, как рабочую гипотезу исследования, определим, что мечта рождается как прообраз цели, как форма реализации субъективных желаний, чего-то идеального, дополняющего действительность, как конструкция идеальных образов. Предметная активность человека вторгается в окружающий мир и изменяет и фиксирует некоторые воспринимаемые свойства. Мечта – это та действительность, которая находится в непроявленном состоянии, поэтому рождение мечты случайность, обусловленная наличием определенных условий. В терминах теории информации, это процесс генерации информации. Это выбор, и, коль скоро он сделан, происходит событие, необратимо разделяющее прошлое и будущее [6. С. 108].

Итак, цель и мечта это феномены сознания человека. Опыт феноменологии, и полученные ею теоретические результаты дают возможность исследовать природу таких феноменов как «цель» и «мечта» как феноменов сознания, поскольку они тесно связаны с процессом движения человеческой мысли, а предметом исследования феноменолога становиться сознание, рассматриваемое с точки зрения его интенциональной природы. На основе таких понятий феноменологии как «интенциональность» и «время», рассмотрим, феномен мечты как условие генерации новых смыслов в горизонтах сознания человека.

Э. Гуссерль называет различные модусы сознания интенциональными переживаниями или актами, каждый из которых имеет свои особенности. Интенциональность чистого сознания означает, что оно продолжает быть связанным с предметным миром, но не само по себе, а модифицированным редукцией, то есть данным сознанию в виде феномена, существующего лишь постольку, поскольку осознаётся. В нашем рассуждении таким феноменом подвергаемом осмыслению является «мечта», поскольку это необходимая сторона переживаний сознания и субъективный создаваемый нашим воображением, процесс осмысления реальности, это определенный образ, который «определен своей интенцией» [7. С. 127]. Итак, интенциональность, становится фундаментальной структурой сознания, лежащей глубже каких-либо определённых, ограниченных переживаний. «Модусы прошлого и настоящего могут пониматься не только как последовательные моменты времени, но как относящиеся к одному и тому же моменту, открывая одни его содержательные аспекты в становлении настоящего, а другие – в неизменности прошлого» [8. С. 33]. Следовательно, в повседневности мы воспринимаем какие-то предметы, вспоминаем о чём-то, ожидаем чего-то и, таким образом, интенциональность мечты по отношению к цели пронизывает все три модуса времени. В связи с этим принципиальным является учет временных горизонтов, поскольку мечта «находиться» в прошлом, и в будущем. Это имеет непосредственное отношение к пониманию жизненных целей и выбора путей их достижения [3. С. 127–129]. Например, устремленность в прошлое означает «оживление» мифа. В этом связи представляется важным исследование восприятия времени, что актуализировано постнеклассической парадигмой и понятием «необратимости времени», где прошлое и будущее играют разные роли. Однако три модуса времени удерживаются лишь в нашем сознании. У истоков современных трактовок времени стоит концепция времени А. Бергсона, который писал: «Время не становиться на место бытия, оно понимается как рождающееся бытие...» [9. С. 172]. Бергсон противопоставляет реальное время-длительность времени условному, которое конструируется обыденным сознанием и наукой в практических целях – в целях измерения. А это значит, что прошедшее существует только в силу отнесенности к настоящему. Каждая актуальная фаза переживания человека несет с собой «шлейф» бывших фаз переживания и предвосхищает будущие. Причем в этом временном потоке постоянно происходят модификации.

Итак, прошлое известным образом возникает из будущего, «временит настоящее» [5], тогда обнаруживаются ситуации, при которых из будущего рождается и настоящее и прошлое. В этом смысле мечта имеет две стороны миф и утопию. Иными словами «мечта» как феномен сознания в своей интенциональной отнесенности к цели выглядит следующим образом. Мечты каждого из нас актуализируют ценностные ориентиры прошлого и соответственно определяют последовательность шагов в настоящем. Выбор мечты, это – событие, разделяющее прошлое и будущее, «событие есть скачок из потенциальности в актуальность» [1]. В мечтах прошлое, настоящее и будущее взаимно проникают друг друга. Мы мечтаем, и наши мечты о будущем лежат в основе оценки прошлого и соответственно наших социальных ожиданий и целенаправленной деятельности в настоящем. Находясь в нерешительности перед множеством вариантов решений, переживая хаос состояний, мы совершаем выбор. В дальнейшем, именно семантика первоначального выбора определит последовательность шагов позволяющих достичь цели, ради которой генерировалась или рецептировалась информация [6. С. 116–120].

Как уже отмечалось, мечта – это условие генерации новых смыслов, она может быть зафиксирована (например, в виде дневниковой записи), или остаться в виде интенционального переживания. В дальнейшем, происходит поиск путей достижения мечты, что приводит к формированию стратегических манёвров, появляются конкретные планы достижения цели. Принимая во внимание тот факт, что все существование человека включено в некий тотальный коммуникационный процесс, на этом этапе особое значение приобретает упорядочивающая функция кода. По определению У. Эко, именно код позволяет осуществить коммуникацию, ибо код представляет собой систему вероятностей, ко-

торая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации [10. С. 43]. Именно этот процесс предопределяет совпадение целей системы и целей отдельного человека, когда рождается коллективная мечта, которая становится живительной силой только тогда, когда каждый человек в отдельности верит, что он способен сформировать собственное будущее. Особенность общей мечты в том, что люди преданы ей, поскольку она является и личной целью каждого [11. С. 207].

Интерес к проблеме коммуникации объединяет самые различные философские течения, сформировавшиеся в течение настоящего столетия; значимость данной проблемы для философии XX в. сопоставима со значимостью проблемы познания для философии XIX в. или проблемы рациональности для философии XVIII в. В XX в. такое направление философской мысли как герменевтика оформилась благодаря деятельности Х.-Г. Гадамера, особенно его единственной крупной работе «Истина и метод». Однако сам Х.-Г. Гадамер неоднократно отмечал, что его концепции сложились под влиянием работ Э. Гуссерля и М. Хайдеггера [12].

Э. Гуссерль занимался преимущественно логическими проблемами, тогда как М. Хайдеггер очень много времени посвятил разработке оригинальной теории (и практики) коммуникации. Несмотря на то, что герменевтические концепции, в основном уделяли внимание именно проблеме рецепции, а процедура кодирования информации оставалась за пределами их внимания, центральным звеном хайдеггеровских размышлений о коммуникации стал язык. При этом язык выступает для М. Хайдеггера не как средство общения, используемое субъектами в соответствии с их замыслами и намерениями; наоборот, язык становится некоторой всеобщей средой существования и в то же время некой сущностью, проявляющейся через речь, через говорение – «сказом». Говорящий не использует язык, но язык пользуется говорящим для сказывания. «Сказ требует оглашения в слове. Человек, однако, способен говорить лишь, поскольку он, послушный сказу, прислушивается к нему, чтобы, вторя, суметь сказать слово» [13. С. 266]. Таким образом, язык из общности, создаваемой понимающими друг друга людьми, превращается в тотальность, всеобщность, являющуюся условием взаимопонимания – единый код.

Итак, М. Хайдеггер использует понятие «коммуникация» как определенную модель человеческого существования, феноменологическое рассмотрение которой способно прояснить многие вопросы онтологии. По его мысли, это существование не является только личным делом отдельного человека, но включено в некий тотальный процесс открытия истины в присутствии, своеобразной глобальной коммуникации между внимающим человеком и говорящим, вещающим бытием. Основные тезисы М. Хайдеггера были сохранены в работах Х.-Г. Гадамера, хотя и претерпели определенные изменения. В философской герменевтике нет представления о языке как системе, реализующейся в коммуникативной деятельности и извлекаемой из текстов, однако при описании процедур понимания Х.-Г. Гадамер создает концепцию традиции, выполняющую роль, аналогичную той, что выполняет концепция языка как системы в современной лингвистике [12]. В самом деле, подобно языку, традиция обеспечивает коммуникацию, являясь одновременно и средой, и средством. Совокупность предрассудков отдельного человека может быть сопоставлена с владением этим же человеком определенной языковой системой (кодом), а процесс понимания на основе предрассудков аналогичен процессу кодирования/декодирования сообщения при помощи процедур, позволяющих привести эту систему в действие. Этому ходу мысли можно поставить в соответствие некоторые концепции М. Хайдеггера, связанные с его теорией техники.

Итак, подводя итог анализу герменевтической концепции языка, следует признать существенную преемственность позиции Х.-Г. Гадамера по отношению к философии М. Хайдеггера. Особенностью герменевтической концепции языка можно считать соотнесение понятий «язык» и «истина», опосредуемое понятиями «традиция» и «предрассудок». Кроме того, центральным понятием в герменевтике остается понятие герменевтического круга. Это понятие было унаследовано Х.-Г. Гадамером от М. Хайдеггера, в свою очередь переосмыслившего концепцию классической герменевтики, согласно которой текст как целое должен пониматься из его частей, а части – из целого. Герменевтика рассматривает «целое» в этой формуле как предпонимание, предрассудок, гипотезу о смысле всего текста, которая позволяет интерпретировать его части и одновременно подвергается в процессе интерпретации проверке. Наибольший интерес для нас представляет интерпретация известных в классической герменевтике процедур: понимания, истолкования и применения. Итак, первое из условий герменевтики – это предметное понимание, ситуация, возникающая тогда, когда я и другой имеем дело с одной и той же вещью» [12. С. 79]. Х.-Г. Гадамер рассматривает их как действия, различающиеся скорее не по структуре, а по средствам: понимание есть операция по переводу текста во внутреннюю речь интерпретатора, применение – операция по переводу текста на язык наличной ситуации, а истолкование – операция по переводу текста на язык, объединяющий речь текста, ситуации и самого интерпретатора.

Итак, герменевтика должна исходить из следующего: тот, кто хочет понять, связывает себя с предметом, о котором гласит предание, и либо находится в контакте с традицией, изнутри которой обращается к нам предание, либо стремится обрести такой контакт [12. С. 79]. Таким образом, реа-

лизация мечты становится возможной, когда идея, заложенная в личной мечте каждого, совпадает с целями системы. В выигрышном положении оказывается тот, чьи мечты совпадают с прогностическими или асимптотическими целями системы. В процессе кодирования создается язык, который становится всеобщим средой существования и служит целям коммуникации. Он свяжет индивидуальную мечту с целями – аттракторами системы, т. е. появляется код, который становиться языком процесса социальных ожиданий и определяет единство устремлений каждого человека в отдельности и общества в целом – коллективную мечту. Тогда в коммуникативном пространстве человек ограничен социальными ожиданиями системы. Цели общества накладывают свои ограничения на механизм реализации мечты, то есть выбирается тот путь, который в большей степени соответствует целям и ожиданиям общества.

Согласно концепции постмодернизма, переместившийся из вещно-предметной в информационно-знаковую среду человек утратил способность к восприятию глубинной реальности. Вместе с тающей реальностью пропала и необходимость в поиске смыслов. Истина теперь является лишь свойством лингвистических формообразований. Так, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, не обладающий никакой имманентной природой мир представляет собой совокупность гетерогенных языковых полей («словарей»), каждый из которых обладает своим набором правил и своим локальным смыслом. При переходе от одной языковой игры к другой актуализируется дифференцирующая способность человека: делая выбор между разными «словарями», каждый из которых равен другим и ни в чем их не превосходит, человек выбирает для себя ту реальность, которая так или иначе связана с его мечтой. Такая игра с частностями, соответствует процессам передачи и рецептирования информации. «Рецепторная система – это диссипативная система, самопроизвольно повышающая степень своей упорядоченности». В коммуникативном пространстве на основе единого языка создаются определенные правила. Понятию информации на стадии рецепции отвечает определение Хаттена: «информация означает порядок, коммуникация есть создание порядка из беспорядка» [цит. по 6. С. 118]. Множество возникающих коммуникативных ситуаций, организованных по определенным правилам рассматривается с позиции постмодернистского подхода. Обоснуем означенный тезис. Реальность в постмодернизме выступает как единый бесконечный «текст», содержащий в себе метафоры, аллюзии, цитаты, проигранные смыслы. Следовательно, в постмодернистской интерпретации существует множество интерпретаций «мечты» и «цели», и нет необходимости в определении что есть «мечта», поскольку постмодернизм интересует не данность и не заданность, которые определяют мировоззренческую парадигму, лежащую в основе той или иной картины мира, а «остаток от обозначаемого». Иными словами, изменяется не мир, а с позиции постмодернизма, а способы его видения. Не мечта является прообразом цели, а актуализированные цели общества определяют механизм видения мечты.

С позиции теории информации мы можем говорить о множественности кодов, образующих коммуникативные события. Согласно онтологическому принципу реальность состоит из событий («действительных происшествий»). В структурном отношении коммуникативное событие может быть разделенным на коммуникативные акты как конкретные семиотические операции (означивание представления и осмысливание знака, кодирование и декодирование и т. п.). Участники коммуникативного события имеют определенные цели и разные механизмы достижения этих целей, которые определяют содержание сообщений. Различия в этих путях достижения целей и в самих целях могут привести к тому, что одно и то же сообщение может значить для них разные вещи. Тогда мечта предстает, как нечто захватывающее, являя собой горизонты возникновения и/или исчезновения. Это то, чем мечта может стать для реальности: не отражением, но вызовом. Привнося смысл в движение, человек идущий определяет, что ему нужно делать, чтобы соответствовать своему проекту, то есть строит свою идентичность, представление о том, что у настоящего может быть не одно, а несколько направлений развития в будущем, что соответствует понятию семантика возможных миров. Непреодолимая дистанция между настоящим моментом и целью пропадает, потому что правила игры, в которую играют герои постмодерна, постоянно меняются, и любое долгое путешествие (как знание единственно верного пути) обречено на провал. В ситуации же неопределенности возможность однозначного и точного линейного прогнозирования событий и явлений исключается совсем, а возможность определения чего-либо, в том числе человеком самого себя, сведена к нулю. Это этап поиска, когда важна не конкретизация цели, механизм ее поиска. Поскольку в изменившемся, крайне нестабильном мире нет ничего единственно подлинного, нет критерия выбора между множеством возможностей. Но с непременным условием, что выбор непременно будет соответствовать ожиданиям системы. Это ведет к появлению множества сиюминутных целей, иллюзорных «мечтаний», если можно так сказать с позиции постмодернизма. Меняются способы видения мира, в этом случае уже не мечта становится прообразом цели, а цели системы, как структуры-аттракторы задают механизмы видения мечты. Часто эти цели становятся ложными, то есть симулякрами. Однако такая игра с частностями спасает человека от кризиса идентичности, так как, играя, мы соответствуем не одному проекту, а множеству возможностей. Таким образом, в многозначном смысловом пространстве своей жизни человек выбирает свою мечту из числа возможных интерпретаций настоящего. Этот процесс может быть бесконечным.

Можно вечно блуждать в лабиринте, в поисках истинной цели, а видеть только симулякры. Допустим, что путь найден, цель определена, однако необходимо создать инструменты ее достижения. С позиции теории информации мы строим оператор (инструмент) для достижения цели, семантика которой соответствует генерации новых смыслов (сокровенной мечте), это реализация некоторой программы, которая была выбрана в процессе генерации [6. С. 120]. Сама проблема выбора определяется наличием экзистенции. Экзистенция выбора задается как присутствие человека с миром и самим собой, как открытая возможность, создающая основу первичного жизнезначимого смыслообразования, самоопределения, самостроительства и самоосуществления человека в мире. Будущее приходит в мир только с человеческим существованием, как «проект», где прошлое через заполнение настоящего может стать чем-то. Ж.-П. Сартр выразил вполне определенную философскую позицию: сущность человека в том, что он из себя осуществляет. Только в «проектировании» человек схватывает время как промежуток, отделяющий его нынешнее состояние от возможного и желательного состояния. «Человек – это, прежде всего проект, который переживается субъективно» [7. С. 87], он существо, которое устремлено к будущему и сознательно себя в него проецирует. Итак, в наших рассуждениях, процесс проектирования является инструментом постановки цели и разработки траектории, пошагового планирования приближения к цели. Более того, человек, по М. Хайдеггеру, сам оказывается создателем времени, ибо настоящее и будущее (а, следовательно, и прошлое) детерминированы его поведением и планами, то есть процессом выбора. Соответственно, мечта приходит в мир только с человеческим существованием, как «проект» будущего. Проект – намерение, которое будет осуществлено в будущем. Только в «проектировании» человек схватывает время как промежуток, отделяющий его нынешнее состояние от возможного и желательного состояния. В данной интерпретации это механизм, определенный направленностью мечты, которая в процессе генерации новых смыслов, определена нами как прообраз цели в интенциональных переживаниях сознания.

Итак, подведем некоторые итоги. Мечта как феномен сознания человека в своей интенциональной отнесенности к цели является прообразом. Можно сказать, что условием генерации новых смыслов настоящего человеческого существования будет мечта, поскольку мечта – это создаваемый нами прообраз желаемого. Семантика выбора в данной интерпретации имманентна существованию человека, поскольку именно в этом процессе происходит определение горизонта направленности мечты как прообраза цели (прошлое, настоящее, будущее). Методологические процедуры герменевтики помогают описать механизмы адаптации человека с его личностными устремлениями в коммуникативном пространстве социума. Идея о сложности включения адаптивных механизмов, ответственных за приспособление к инновациям в условиях быстрой, радикальной перемены сложившихся устоев жизни, нашла косвенное отражение в работах многих мыслителей XX в. На основании анализа понятия «герменевтического круга», сделан вывод о том, что на этом этапе создаются коды объединяющие устремления человека и цели системы. Именно создание единого кода лежит в основе формирования единых устремлений (коллективной мечты). В этом случае, при совпадении кодов, и индивидуальные мечты приобретают способность быть сообщаемыми, то есть могут транслироваться во времени и пространстве. Таким образом, процесс кодирования и декодирования образуют коммуникативное пространство. В многозначном смысловом пространстве своей жизни человек выбирает свою мечту из числа возможных интерпретаций настоящего. В коммуникативном пространстве общества, включаются механизмы адаптации, и личные цели соотносятся с конъюнктурными целями системы. Часто это ведет к появлению множества сиюминутных целей, иллюзорной мечте. Человек стремиться реализовать себя сразу в нескольких проекциях, что соответствует множеству возможностей. Наконец, одна из существующих возможностей может реализоваться. Формируются механизмы целенаправленного действия, выявляющие ту ценную информацию, которая приведет к осуществлению заветной мечты. Эти механизмы детерминированы внешними факторами среды к единственному неповторимому самому себе, посредством экзистенциального выбора, который является своеобразным устройством, позволяющим достичь цели, ради которой генерировалась или рецептировалась информация. Таким образом, экзистенциальный выбор – это проектирование, посредством которого человек переходит от созерцательно-чувственной реальности к текстам коммуникативной пространства. Следовательно, строится инструмент для пошагового планирования в процессах целеполагания.

Итак, возможно ли исследовать мечту? Человек, пожалуй, единственное существо в природе, которое, способно подчиняясь мечте изменять свое будущее, преображать прошлое и влиять на настоящее. Она трансформируется, транслируется, может быть одновременно создателем и разрушителем человеческих судеб, поскольку мечты создают реальные вещи. Будущее формируется через людей умеющих транслировать свой опыт, свое видение будущего, а будущее соткано из мечтаний [14. С. 37]. Мечта, таким образом, существует в коммуникативном пространстве социума и в сознании каждого человека.

Сегодня множественность интерпретаций любого феномена оценивается как неизбывная данность положительно, не пугает даже тот факт, что проявляется не только множественность, сколько конфликт интерпретаций. Отмечается, что это «...не столько недостаток, сколько достоинство по-

нимания, выражающего суть интерпретаций, поскольку любой текст не исчерпывается одним – авторским или читательским – значением, но «живет» в виртуальности многих смыслов, которыми владеет человек в культуре и в жизни» [15. С. 363]. Итак, модель информационного процесса позволяет усматривать разных трактовках не столько противоречия, сколько возможность определения границ интерпретаций феномена мечты как прообраза цели. На основе этой методологии, призванной находить границы интерпретаций различных концепций при проведении междисциплинарных исследований, демонстрируются взаимосвязи социо-культурных феноменов мифа, мечты, реальности [16]. В рамках настоящей статьи показана возможность согласования методов современных направлений философского знания со средствами постнеклассической методологии в исследовании таких феноменов человеческого бытия как «цель» и «мечта».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киссель М.А. Философский синтез А.Н. Уайтхеда // А.Н. Уайтхед. Избранные работы по философии. Пер с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
2. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука, 1998. – 192 с.
3. Лукьянова Н.А., Максименко О.Ю., Мелик-Гайказян И.В. Миф и утопия: две стороны мечты // Философия образования. – 2003. – № 6. – С. 124–129.
4. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. – М.: ИФРАН, 1995. – 228 с.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Жизнь неживого с точки зрения синергетики // Труды семинара «Синергетика». – М.: Изд-во МГУ, 2000. – Т. 3. – С. 39–61.
6. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. – М.: ФИЗМАЛИТ, 2001. – 272 с.
7. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.
8. Карпицкий Н.Н. Присутствие и трансцендентальное предчувствие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 192 с.
9. Мерло-Понти М. В защиту философии. – М: Изд-во гуманит. литературы, 1996. – 248 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
11. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 1999. – 650 с.
12. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
13. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 503 с.
14. Йенсен Р. Общество мечты: как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. Пер. с англ. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. – 268 с.
15. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс Традиция, 2002. – 624 с.
16. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. — М.: Научный мир, 2005. — 256 с.

Поступила 01.02.2006 г.